

УДК 940.1

Е. П. Тельменко**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ «ОБЩЕГО БЛАГА»
В ПРОПОВЕДЯХ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ**

Статья посвящена социально-экономическим и духовным аспектам толкования принципов «общего блага» флорентийским пророком и реформатором Джироламо Савонаролой.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, реформы, экономика, социум, «общее благо».

E. P. Telmenko**INTERPRETATION OF THE «COMMON GOOD» IDEA
IN GIROLAMO SAVONAROLA'S SERMONS**

Article is devoted to the socio-economic and spiritual aspects of interpretation principles of «common good» by Florentine prophet and reformer Girolamo Savonarola.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, reform, economy, society, «common good».

История Флоренции кон. XV в. тесно связана с личностью доминиканца Джироламо Савонаролы. В критический момент истории флорентийского государства конца 1494 г. – антимедичейский переворот и изгнание Пьеро Медичи, начало Итальянских войн и угроза разграбления города французскими войсками Карла VIII – монах наделил горожан уверенностью в положительной исторической перспективе. Фра Джироламо объявил Флоренцию избранным Богом городом, покровителем которого является Иисус Христос, а себе присвоил статус городского пророка, таким образом «превратившись в главное действующее лицо жизни города» [7, р. 5].

Главной целью этого пророка-реформатора, ведущего народ Флоренции к Господу, было достижение состояния «чистоты» (santità) верующих христиан, «ben vivere» – «добродетельной жизни» горожан, как основного условия обретения божественной благодати. Соответственно, пророчество о будущей судьбе Флоренции, обещание политического и экономического процветания, представлялось в качестве земной награды, знака обретения благодати и благоволения Господа к новому избранному народу.

Здесь следует отметить, что Савонарола, в целом соответствовал традиции, сложившейся в среде нищенствующих орденов, во-первых, мысливших целью проповеди не столько обращение отдельных людей, сколько народа, понимаемого, как некая общность, а, во-вторых, изменивших характер профетологии от апокалиптизма к более оптимистичному миллениаризму, где пророчество становилось эффективным орудием реформирования христианского общества в настоящем.

Проповедник-реформатор, в своих наставлениях пастве, выдвинул четыре условия, необходимые для обретения божественной благодати: страх божий, общественное благо, всеобщий мир и реформа [8, pp. 297, 343–344, 359–360]. Тема «общего блага», к которой обратился доминиканский проповедник, была не нова для Флоренции, эта проблема нашла свое отражение в трудах флорентийских гуманистов, проявивших большую широту взглядов в ее толковании: «общее благо» понималось как благо всего общества, а не отдельной социальной группы [11, с. 303]. Сходные положения можно найти и в проповедях Савонаролы, который, обращаясь к горожанам,

призывал: «О Флоренция, старайся сохранить все и заботиться об общем благе больше, чем о частном, а кто будет заботиться об общем благе, а не о частном, того пожелует Господь благами материальными, духовными и вечными. Кто желает жить по чести, а не по кривде, должен любить общее благо больше, чем собственное, как и любовь творений, поднимаясь от них к Богу, любит более свою первопричину, чем себя самого» [8, р. 222–223]. При этом доминиканец, настаивая на том, чтобы граждане Флоренции поставили коллективный интерес выше личного, указывал на неразрывную связь общего блага с частным: он убеждал горожан, что следуя принципам общего блага, те приобретут больше, нежели руководствуясь своими личными интересами. «Любовь к самому себе должна быть изгнана, – вещал фра Джироламо, – и тогда каждый будет иметь то, что общее для всех, и ты увидишь, что каждый получит свою часть, и таким образом любой добрый горожанин будет стремиться к любви и общему благу» [8, р. 274].

Здесь необходимо отметить, что флорентийский проповедник не был сторонником идей всеобщего равенства и общности имущества. Он следовал традиции, сложившейся в среде богословов XIII–XIV вв. и, практически полностью повторял томистскую концепцию, которая возводила частное право к праву народов, и таким образом доказывала ее законность и естественность [14, с. 157–166]. Джироламо Савонарола указывал на то, что согласно «естественному закону» (*ius naturale*) всякая вещь была общей, однако, затем «появляется *ius gentum* (право народов) и то, что было общим, стало различаться на «мое» и «твое» и это для большего спокойствия людей и для общего блага; и Господь допустил такой порядок, чтобы один обладал большим, а другой меньшим, дабы тот, кто богат, помогал бедному, а бедный терпением заслужил бы Рая» [8, р. 82]. В том, что касается отношения человека к вещам внешнего мира Савонарола, в соответствии с томистской концепцией выделял право владения, а точнее – управления собствен-

ностью и право пользования. В проповедях на Иова, испытания которого Господь начал с того, что отнял у него все имущество, Савонарола использовал слова этого праведника, касающиеся утраты богатства («Господь дал, Господь и взял») для того, чтобы показать пастве, что единственным владельцем, собственником всех вещей этого мира является Бог, человек же выступает в качестве управляющего. «Если бы ты, человек, – говорит проповедник, – считал себя управляющим в этой жизни и распределяющим имущество, которое ты имеешь, и которое не твое, а дано тебе Богом, чтобы ты распорядился им хорошо, ты бы не досадовал о его утрате и потере» [10, р. 88–89]. Сущность права пользования состоит в том, что человек потребляет блага как общие и должен делиться этими благами с другими, соответственно их нуждам. Савонарола в этом вопросе также ссылался на авторитет Св. Фомы, который, согласно флорентийскому проповеднику, «утверждает, что обладание вещами излишними является благом того, кто ими владеет, но не правом пользования ими, и что, если Бог предоставил это богачу, то он дал это ему, чтобы тот раздал все излишнее беднякам» [8, р. 152–153]. Таким образом, богатства даны людям с тем, чтобы они оказывали помощь бедным, передавая им все излишнее имущество и пребывая в состоянии умеренного процветания (*prosperita umile*).

Здесь перед Савонаролой встал очень важный вопрос о мере богатства, который он, как впрочем, и Фома, и другие богословы и проповедники, не смог разрешить, ограничившись указанием на то, что мера потребления должна соответствовать природе, естеству. «Посмотри, – указывает проповедник, – природа не желает никакого излишества...и если как-нибудь это проявляется, это не зовется вещью естественной, но чудовищной. Смотри, что природа учит тебя не желать, а напротив, отторгать излишества» [8, р. 152]. Материальные вещи, безусловно, являются благами для человека, ибо созданы для его тела, которое, в свою очередь, должно служить душе,

поэтому мирские блага, по мысли Савонаролы, являются не столько «основополагающими», сколько «уместными» [10, р. 86]. Призыв монаха обладать таким количеством имущества, которое не превышает естественной необходимости, в одной из его проповедей на пророка Аггея иллюстрируется на примере заболевшего человека, который принимает столько лекарства, сколько ему требуется, и не более. Савонарола укоряет тех людей, которые поступают противным образом: «но вы ищете своей смерти и своего вреда и все делаете против здоровья души своей» [8, р. 336].

Таким образом, собственность, соответствующая общему благу, представляется монахом как раз, как собственность, необходимая для удовлетворения потребностей. Обладание излишними благами, без стремления к их распределению среди нуждающихся, граничит с кражей, о чем, как указывает Савонарола, говорит большинство церковных авторитетов, таких как Св. Августин, Св. Иероним, Св. Василий [8, р. 152]. Таким образом, одним из условий следования общему благу является благотворительная практика как форма проявления любви к Богу и ближнему и способ избегания обществом потопа испытаний, которые могут быть посланы Богом Флоренции.

Следует отметить, что фра Джироламо в проповедях ставил жизнь созерцательную выше жизни деятельной. Однако флорентийский монах поместил в свой мистический корабль спасения, который он закончил возводить вместе с прихожанами в проповеди от 17 ноября 1494 г., людей, как созерцательной, так и активной жизни, поскольку, если первые имеют возвышенный разум и в силах познать вечный закон, то вторые преуспевают в делах милосердия. Последним, по мнению проповедника, для спасения достаточно обладать двумя вещами: любить Бога и ближнего и творить дела милосердия [8, р. 94]. Проявление милосердия является актом свободной воли, но в некоторых случаях становится законом, – говорит Савонарола, опираясь на авторитет Св. Августина. Человек не может не

оказать благодеяния в двух случаях: если он обладает излишним, и если видит, что ближний терпит крайнюю нужду и умирает от голода, иначе он совершает грех [8, р. 151].

Соответственно, представляется не безынтересным вопрос, касающийся эмоциональной окраски благотворительности, которая трактуется проповедником как акт радости. Так, взяв за основу нескольких своих проповедей Псалом 111 (*Beatus vir*), Савонарола, чтобы осветить означенную выше связь, обратился к стиху «*Bonus est homo, qui miseretur et commodat*» (Пс. 111:5: «Добрый человек милует и взаимы дает»), – и привел несколько его переводов: так Св. Иероним перевел его как «*bonus homo*», то есть «добрый человек»; Св. Августин – «*suavis homo*», то есть «приятный человек»; общепринятый перевод – «*iocundus homo*» – то есть «радостный человек». Итак, – говорит проповедник, – подумаем немного над всеми этими тремя словами, то есть *bonus*, *suavis*, *iocundus*, что все они проистекают от этого милосердия и того, кто является человеком милосердным» [8, р. 158]. Что касается последнего толкования, а именно того, что милосердный человек является радостным, Савонарола выделил три источника этого ощущения. Во-первых, милостыня, поданная охотно и из любви к Богу и ближнему, доставляет огромное наслаждение и радость. В доказательство фра Джироламо приводит следующее рассуждение: «Когда некто передает свое (добро) другим с охотой, это значит, что он любит то, что он дал другому, или, что он любит того, кому предоставил дар; и поскольку любовь есть вещь, объединяющая и переносящая любящего в любимое, поэтому это состояние щедрого подателя есть вещь, доставляющая наслаждение. Вторым источником радостного ощущения является то, что человек милосердный имеет доброе имя и добрую славу в народе, и потому обладает высшей степенью совершенства (*eccellenza*) среди людей, а, – согласно проповеднику, – «так как высшая степень совершенства является вещью, доставляющей удовольствие, то в результате, этот человек становится

радостным и счастливым». «В-третьих, – утверждал фра Джироламо, – человек становится радостным через познание, а когда он отдает свое добро посредством милостыни, в нем зарождается познание жизни иной, следовательно, это делает человека радостным и счастливым» [8, р.160–161].

Итак, Савонарола рисует в проповедях идеальный образ «доброго богача», который в отношении тех вещей, которыми обладает, должен ощущать себя не собственником, но управляющим Господа; ему не следует стремиться к излишествам, любя Бога, а не пустые вещи; кроме того, он, как истинный христианин, должен любить своих ближних и творить дела милосердия, делясь тем, что превышает его необходимость.

С другой стороны, в выступлениях доминиканца представлен тип «доброго бедняка». Такой человек, – по мысли фра Джироламо, – испытывая мучения, не должен роптать на других, ему следует понимать, что страдания являются следствием его грехов; этот человек должен поручить себя Богу и молиться за тех, кто оказал ему помощь в нужде. Кроме того, монах поучает бедных прихожан не брать милостыню больше необходимого, в противном случае вернуть излишек; не принимать милостыню, если они не ощущают большой нужды, или «в силах испытать другой путь», то есть работать [8, р. 141–142].

Как видим, тема общего блага, затрагивала насущные социальные и экономические вопросы городской жизни. Но здесь монах не вышел за рамки сложившейся среди церковных проповедников его времени традиции. Отрицая жажду приобретения и наживу как самоцель, Савонарола не являлся и апологетом бедности, оправдывая богатство в его умеренных проявлениях с обязательным обращением к благотворительности. Её Савонарола понимал, прежде всего, как обычное подаяние в виде милостыни и раздачи хлеба. Видимо, ни одна религиозная процессия в период духовного лидерства приора монастыря Сан Марко не обходилась без пожертвований в адрес бедных. Современники

событий оставили нам красочные описания подобных актов. Так, торговец Лука Ландуччи в своем «Дневнике», обращаясь к событиям карнавала 1496 г., преобразованного монахом и его сторонниками в духовное празднество, отмечал проявления значительной щедрости: «казалось, что каждый хотел отдать все, что он имел, и особенно женщины», милостыня «была оценена во многие сотни флоринов». При этом автора, описывающего подобные мероприятия, восхищала не столько величина собранного подаяния, сколько эмоциональный настрой граждан, являвших собой пример великой любви и милосердия, и дающих «без жадности» все, вплоть до козынок и полотенец [6, р. 125]. Другой автор – биограф Савонаролы, фра Пачифико Бурламакки, отмечал, что пожертвования «каждый год значительно росли и умножались», а их сбору способствовали *elemosinieri* («собирающие милостыню») – специальные представители «детских отрядов», созданных в городе на Арно под покровительством фра Джироламо. Эти *elemosinieri* в обычные дни и во время карнавалов дежурили у алтарей «с крестом и яркими светильниками» и, обращаясь к прохожим, «брали прекрасный сосуд, поставленный на алтарь, и, поклонившись, с величайшим почтением просили милостыню для бедняков, и каждый подавал, сколько пожелал»; при совершении же процессий они «несли сосуды для сбора милостыни для стыдливых бедняков», а после передавали ее в распоряжение религиозному братству «Добрых мужей Св. Мартина» для распределения среди нуждающихся [5, р. 122–123; 131, 134]. Итак, трезвомыслящие и расчетливые деловые люди Флоренции, прежде склонявшиеся к «упорядоченным и рациональным формам проявления веры» [13, с. 46–47], предались религиозной экзальтации, сопровождавшейся к тому же неумеренной щедростью, изумлявшей их самих.

Действия доминиканца, направленные на поощрение различного раздачи, в целом соответствовали принципам общего блага, но коренным образом не решали стоящих перед обществом социально-эко-

номических проблем. На фоне этих широко распространенных в савонаролианской Флоренции практик милосердия, заявления монаха о необходимости открыть боттеги (ит. bottega – мастерская, где производились ткани по типу смешанной мануфактуры) и дать работу бедным, выглядят довольно бледно. «Подойди сюда, – обращается, видимо, к своим оппонентам Савонарола, – ты, кто говорит, что я не желаю, чтобы работали, и что я смущаю народ..., ты плохо слушал: я проповедую это открыто и приватно, побуждая многих к работе..., если бы я не делал этого, многие не работали бы так, как трудятся в это тяжелое время» [9, р. 38–39].

Здесь следует отметить, что воплощение принципа общего блага, согласно проповеднику, заключалось не только в помощи бедным, но и государству. Так, Савонарола призывал флорентийцев возвратить свои долги частным лицам и республике: «Каждый обязан возместить то, что им несправедливо было захвачено у частных лиц или у коммуны» [8, р. 255–256]. Монах, рассуждая в одной из проповедей на пророков Амоса и Захарию о ростовщичестве, укорял граждан в нежелании предоставить обществу безвозмездный заем: «Скажи мне: кто защитит дом твой, имущество, жизнь, семью, если не коммуна? А ты ей даешь в долг, если ей это необходимо. Следует стремиться, говорю, предоставлять безвозмездно» [9, р. 230]. Кроме того, в своих выступлениях флорентийский монах проводил мысль о необходимости ограничения ссудного процента за счет основания «Монте ди Пьета» – дешевого ломбарда, который взимал бы 5–7 % годовых вместо 32,5 %, что и было введено 28 декабря 1495 г. [5, р. 128–129; 15, с. 121; 12, с. 227–229]. Савонарола проповедовал также необходимость установления таких налогов, когда граждане «платили бы справедливо, по благам, а не по произволу» [8, р. 223–224]. В соответствии с этой мыслью монаха во Флоренции 5 февраля 1495 г. был принят закон, отменявший экстраординарные поборы и вводивший дециму – единый налог с 1/10 стоимости недвижимого имущества [6, р. 99].

Поддержка авторитетным проповедником возврата долгов коммуне, введения ограничения процентов по ссудам и установления справедливого налога – все это должно было повлиять на реальное улучшение экономической ситуации в республике. Однако и здесь монах вполне традиционен, во многом повторяя практику и предложения своих предшественников. Кроме того, увещания доминиканца в необходимости благотворительности, как в адрес отдельных лиц и групп, так и всего государства имеют ярко выраженную этическую составляющую: практически все действия, к которым призывал проповедник для достижения «bene comune» в социальной и экономической сферах, по сути, направлены на культивирование «ben vivere» граждан Флоренции, представляющих в своей совокупности общее мистическое тело, главной целью которого является обретение божественной благодати.

Реакция общественного окружения Савонаролы на его действия в этой области заслуживает отдельного рассмотрения и требует более глубокого анализа. Здесь же ограничимся указанием на ее разнообразие и отдельные качества. Так, в ряде публичных писем оппоненты брата критиковали его за поддержку и стимулирование отягощающей граждан финансовой политики государства. Например, один из противников монаха – Франческо Альтовити, упрекая пророка-реформатора, заявлял: «...когда по-новому реформировалось государство, он утверждал, что не будет больше отягощений, и затем были введены тяжелейшие налоги и габеллы и общественные платежи, чем были в каком-либо другое время» [1, р. 142]. «Вы обещали, – пенял Савонароле другой анонимный автор, – что при новом управлении, сотворенном Богом, больше не будет никаких непомерных налогов (balzello)..., а случилось противоположное» [4, р. 127]. Кроме того, введенный монахом режим, заменявший светские увеселения религиозными процессиями и постами, также получил специфическую интерпретацию в трудах его критиков, которые обвиняли Савонаролу в том, что он своими практиками способствует обедне-

нию части флорентийских граждан. Так упомянутый выше анонимный оппонент доминиканца, в полемическом задоре, писал, что брат организует «великое множество постов, так что мясники вопиют о том, что пойдут по миру», а Альтовити, желая подчеркнуть «жестокость» этого флорентийского проповедника, указывал, что тот «является постоянным врагом бедняков, и, проповедуя, не желает, чтобы богатые тратились на праздники, бракосочетания или на званые обеды – дружеские и скромные, с тем чтобы бедные ремесленники не смогли получить какого-либо заработка» [4, р. 132; 1, р. 145].

Несомненно, практика участия в раздачах милостыни, будучи следствием религиозного порыва, реализовывала потребность состоятельных и предприимчивых горожан в катарсисе, духовном очищении. Но, в свою очередь, последователи доминиканского монаха – «плаксы», которые на время, – как образно выразилась итальянская исследовательница А. Бенвенути, – «ослабили завязки кошелька и души» [2, р. 169], очевидно, ощущали необходимость в более радикальных мерах по оживлению флорентийской экономики.

Так, в трактате савонаролианца Д. Чекки, относящемся к 1496 г., отмечается негативная тенденция, ведущая к закрытию боттег и, соответственно, к сокращению рабочих мест в городе. Чекки указывал, что средства, имеющиеся у горожан, не вкладываются активно в производство и тор-

говлю, а перекачиваются из производства и торговли в банковские депозиты и приобретение недвижимости [3, р. 204-205]. Этот сторонник брата представил свой политико-религиозный проект превращения Флоренции в «город Господа Бога». Согласно его мысли только активная предпринимательская деятельность, когда «деньги оборачиваются по сему городу шесть раз в день», может способствовать укреплению общего блага, поскольку таким образом возникнут новые рабочие места и бедняки смогут прокормиться. «Если каждый богатый откроет 2–3 боттеги или лавки и будет много торговать и накапливать ежегодно, тогда и неимущий будет призван богатым для работы, и про доброго торговца скажут бедные: «Он делает хорошо для народа и коммуны, и если я соединюсь с ним, я тоже заработаю» [3, р. 204]. Позиции этого флорентийского горожанина очевидны: позитивная оценка стремления к накоплению и приумножению средств; толкование социальной благотворительности как организации большего количества новых рабочих мест. Представляется, что подобного импульса жителям Флоренции не хватало от своего духовного лидера, который, как показывает изложенный выше материал, не смог выйти за рамки традиций современного ему богословского мышления и сформулировать религиозно-этические принципы, отвечавшие новым запросам торгово-предпринимательской прослойки горожан.

Литература

1. Altoviti, F. *In difesa de' magistrati e delle legge e antiche cerimonie al culto divino della città di Firenze contro alle invettive e offensione di Fra Girolamo* // Garfagnini, G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze, 2000.
2. Benvenuti, A. *I Bruchi di Frate Gerolamo. L'eversivo anacronismo del Savonarola* // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze, 1997.
3. Cecchi, D. *Riforma santa e preziosa per conservazione di Firenze* // Mazzone, U. *El buon governo: un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana*. – Firenze, 1978.
4. *Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo* // Garfagnini, G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze, 2000.
5. *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti*. – Firenze, 1937.
6. Landucci, L. *Diario fiorentino : dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia*. – Firenze, 1883.

7. Leonardi C. *La crisi della cristianità medievale il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola*// *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone.* – Firenze, 1999.
8. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo.* – Roma, 1965.
9. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri.* – Roma, 1971. – Vol. 2.
10. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi.* – Roma, 1957. – Vol. 1.
11. Брагина Л.М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV в. // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* – М., 2000. Вимари П. Джироламо Савонарола и его время: В 2 т. в 1 кн. /пер. с итал. Д. Н. Бережкова. Репринт. воспроизведение изд. 1913 г. – М., 1995. – Т.1.
12. Краснова И. А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* – М., 1997.
13. Кудрявцев О. Ф. Схоласты о собственности // *Средние века.* – М., 1990. – Вып. 53.
14. Ченти Т. С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. – М., 1998.

УДК 947[470.6]

Д. С. Ткаченко

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Статья рассматривает вопросы исследования Северо-Кавказских этнических групп с точки зрения реализации российских геополитических интересов в регионе российскими научными кругами и имперскими военными практиками.

Ключевые слова: военно-политическая история Северного Кавказа, историко-литературные описания, военная администрация, Академические экспедиции, картографирование.

D. S. Tkachenko

THE NORTH CAUCASUS ETHNIC GROUPS IN HISTORICAL NARRATIONS AND CARTOGRAPHICAL DESCRIPTIONS PERFORMED IN THE LAST DECADES OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES

The article focuses on the issues of the Caucasus ethnic groups' investigation by the Russian scientists and military authorities from the point of view of the Russian Empire's geopolitical interest realisation.

Key words: Military and Political History of the North Caucasus, historical narrations, the Military Authorities, Academicals expeditions, cartography.

Северный Кавказ в XIX веке являлся одним из наиболее изученных регионов Российской Империи. С XVIII в. в регионе нарастало российское присутствие, в свя-

зи с чем военной и гражданской администрации необходимо было знать не только географию местности, но и все стороны жизненного уклада своих союзников и про-